

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.294-315><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/vohyii>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 316.4-057.875

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Социальное самочувствие и социальная справедливость в оценках российской студенческой молодежи: характер взаимосвязи в условиях новых вызовов

Т. М. Дадаева¹Н. П. Касаткина^{1,2}Н. В. Шумкова¹ ✉

¹ Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(г. Саранск, Российская Федерация)

² Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)

✉ niiregion@mail.ru

Аннотация

Введение. Обращение к теме социального самочувствия и восприятия социальной справедливости студенческой молодежью России актуализировано влиянием регионального неравенства (включая качество жизни) на жизненные траектории названной категории населения, потенциальными рисками социальной напряженности, а также недостаточной изученностью опосредующих механизмов взаимосвязи данных конструктов. Цель исследования – проанализировать компоненты социального самочувствия и характер их связи с представлениями о социальной справедливости у российских студентов в контексте региональных особенностей.

Материалы и методы. Проведено онлайн-анкетирование (октябрь-ноябрь 2024 г., $n = 1\,209$ студентов дневных отделений вузов) в четырех регионах с разным качеством жизни: Московской области, Татарстане, Мордовии, Калмыкии. Социальное самочувствие измерялось через индексы текущего благополучия, ожиданий от будущего, социального доверия и тревожности. Удовлетворенность социальной справедливостью оценивалась по 5-балльной шкале. Использовались дескриптивная статистика, корреляционный анализ, линейная регрессия и тест Собея для анализа медиации.

Результаты исследования. Сводный индекс социального самочувствия студенческой молодежи показал поляризацию: 54 % респондентов отнесены к категориям «хорошее»/«отличное» самочувствие, 18 % – к «плохое». В структуре социального самочувствия доминируют позитивные оценки текущего благополучия (84 %), в то же время социальное доверие демонстрирует более низкие показатели (44 %). Выявлена сильная положительная корреляция между субъективным благополучием и восприятием социальной справедливости ($\rho = 0,63$; $p < 0,001$). Регрессионная модель ($R^2 = 0,216$; $p < 0,001$) подтвердила влияние социального доверия ($\beta = 0,220$), тест Собея – его опосредующую роль (29,2 % влияния). Региональная дифференциация нормативных представлений о справедливости коррелирует с объективным качеством жизни в регионах и социальным самочувствием студенческой молодежи.

© Дадаева Т. М., Касаткина Н. П., Шумкова Н. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Подтверждена связь социального самочувствия и восприятия справедливости. Низкий уровень социального самочувствия у 18 % молодежи и региональные различия актуализируют проблемы укрепления социального доверия, адресной поддержки уязвимых категорий студенческой молодежи и учета территориальной специфики. Перспективно изучение взаимосвязи социального самочувствия и представлений о справедливости в лонгитюдных исследованиях.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная справедливость, студенческая молодежь, социальное доверие, текущее благополучие, региональные различия, Россия

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FZRS-2024-0007) в рамках государственного задания.

Для цитирования: Дадаева Т.М., Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. Социальное самочувствие и социальная справедливость в оценках российской студенческой молодежи: характер взаимосвязи в условиях новых вызовов. *Регионоведение*. 2025;33(2):294–315. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.294-315>

Societal Well-Being Perceptions and Social Justice Assessments among Russian University Students: the Nature of the Relationship in the Context of New Challenges

T. M. Dadaeva^a, N. P. Kasatkina^{a,b}, N. V. Shumkova^a ✉

^a National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)

^b Scientific Center for Socio-Economic Monitoring
(Saransk, Russian Federation)

✉ niiregion@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of societal well-being perceptions and social justice assessments among Russian university students is necessitated by the impact of regional inequality (including quality of life) on youth life trajectories, potential risks of social tension, and insufficient research on the mediating mechanisms linking these constructs. The study aims to analyze components of societal well-being and the nature of their connection with conceptions of social justice among Russian students, along with regional characteristics of this interrelationship.

Materials and Methods. An online survey was conducted (October–November 2024; $n = 1,209$ full-time students) across four regions with differing quality of life: Moscow Oblast, Tatarstan, Mordovia, and Kalmykia. Societal well-being was measured through indices of social well-being, future expectations, social trust, and anxiety. Satisfaction with social justice was assessed on a 5-point scale. Descriptive statistics, correlation analysis, regression analysis, and the Sobel test were employed.

Results. The composite index of student societal well-being revealed polarization: 54 % of respondents were categorized as having “good”/“excellent” well-being, while 18 % reported “poor” well-being. Within the structure of societal well-being, positive assessments of current well-being predominated (84 %), whereas social trust demonstrated lower levels (44 %). A strong positive correlation was identified between subjective well-being and perceptions of social justice ($\rho = 0.63$; $p < 0.001$). The regression model ($R^2 = 0.216$; $p < 0.001$) confirmed the influence of social trust ($\beta = 0.220$), and the Sobel test verified its mediating role (accounting for 29.2 % of the effect). Regional differentiation in normative conceptions of justice was identified, correlating with the objective quality of life in the regions and the societal well-being of students.

Discussion and Conclusion. The connection between societal well-being and justice perceptions is confirmed. The low level of societal well-being among 18 % of youth and regional differences highlight the need to address challenges in strengthening social trust, providing targeted support for vulnerable student groups, and accounting for territorial specificities. Longitudinal studies of the relationship between societal well-being and justice conceptions present a promising research direction.

Keywords: social well-being, social justice, student youth, social trust, current well-being, regional differences, Russia

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This research was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, grant number FZRS-2024-0007, as part of the state research assignment of National Research Ogarev Mordovia State University.

For citation: Dadaeva T.M., Kasatkina N.P., Shumkova N.V. Societal Well-Being Perceptions and Social Justice Assessments among Russian University Students: : the Nature of the Relationship in the Context of New Challenges. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):294–315. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.294-315>

Введение. В современных условиях внешнеполитического напряжения, изменения внутренних процессов в стране возрастает актуальность измерения влияния последних на социальное самочувствие молодежи. Исследователи отмечают углубление социальной дифференциации в молодежной среде как по материальному положению, так и по обладанию образовательными и культурными ресурсами, необходимыми для старта и выстраивания жизненной траектории [1]. Качество высшего образования становится социально обусловленной привилегией, поскольку система стратифицируется, ограничивая доступность обучения в вузе для абитуриентов из наименее обеспеченных семей¹.

Ученые также выявляют влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости [2]. Студенчество, с одной стороны, обладает высоким потенциалом благодаря возрасту и образованию, но, с другой стороны, подвержено рискам социализации (по сравнению с трудящимися аналогичной возрастной категории) и жесткой конкуренции за привлекательные рабочие места.

Наше государство проводит активную социальную политику по поддержке молодежи, однако последняя сталкивается с целым рядом проблем по базовым аспектам качества жизни (в частности, по жилищной обеспеченности), возможностям социальной мобильности (доступности хороших рабочих мест, качественного образования и т. д.), что способствует возрастанию неудовлетворенности социальной справедливостью в обществе. Так, по данным И. С. Шаповаловой, И. Н. Валиевой, почти каждый третий представитель молодежи региона (Белгородская область, 2022 г.) в той или иной степени не удовлетворен уровнем социальной справедливости в обществе [3].

Одним из интегральных показателей субъективно-эмоциональной оценки восприятия молодежью социальных процессов в обществе выступает социальное самочувствие. Изучению социального самочувствия жителей России посвящено много работ, однако его эмпирическое измерение в контексте социальной справедливости рассматривается недостаточно. Практическая значимость подобного исследования обусловлена не только актуальностью методологической проблемы, связанной с выявлением наиболее значимых компонентов социального самочувствия молодежи, но и важностью анализа его детерминант.

Задачи настоящего исследования таковы: выявить компоненты социального самочувствия студенческой молодежи России, установить характер их связи с представлениями о социальной справедливости, определить силу прямого и опосредованного влияния этих компонентов на оценку справедливости, а также

¹ Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 78 с.

проанализировать региональную специфику представлений о социальной справедливости в условиях дифференциации качества жизни.

Обзор литературы. Многочисленные исследования рассматривают социальное самочувствие как комплексную категорию. Ученые активно разрабатывали теоретико-методологические подходы к ее пониманию и содержательному наполнению. В одних случаях в качестве важнейших показателей рассматривались субъективная оценка условий жизни, отношение к экономической политике и в целом к вектору развития страны, доверие к институтам и т. д. [4]; в других – акцент делался на субъективно-эмоциональном благополучии, измеряемом через удовлетворенность жизнью, уровни тревожности, социального оптимизма² [5; 6].

Среди комплекса факторов, определяющих социальное самочувствие, ведущую роль играет социально-экономическое неравенство [7; 8]. Как показано в ряде исследований, рост неравенства провоцирует статусную тревогу и подрывает веру в честность системы, что прямо влияет на субъективное ощущение благополучия³.

Социальное самочувствие молодежи имеет особенности. По сравнению с более старшими возрастными группами, «...молодые люди значительно чаще воспринимают свое социальное положение как высокое или среднее» [9: 36]. Доминирующее влияние при этом оказывает материальная составляющая: «...чем ниже уровень материального благосостояния, тем с большей тревогой и неуверенностью молодые люди смотрят в будущее» [10: 67]. Также значимы ситуация на рынке труда; перспективы трудоустройства и способность адаптироваться к изменяющимся условиям [11]; качество семейных отношений, которые «...обеспечивают социальный контекст, способствующий развитию здоровой личности, адекватных социальных компетенций и способности к социальной адаптации»⁴ [12: 49].

Социальную справедливость, как и социальное самочувствие, можно отнести к сложно измеряемым категориям ввиду многоаспектности (поскольку она может выступать интегральной оценкой всех элементов социальной системы), контекстуальности (оценки зависят от сложившихся в обществе институтов, норм и практик) и неустойчивости во времени в связи с изменением социально-политических и экономических отношений [13]. Она операционализируется через три аспекта: распределительный (справедливость доступа к ресурсам, таким как образование и здравоохранение), процессуальный, или процедурный, (фокусируется на процессе принятия решений о распределении благ) и интерактивный (предполагающий уважение в межличностных взаимодействиях) [14; 15].

Зарубежные и отечественные исследования подтверждают, что представления о социальной справедливости в общественном сознании тесно связаны с восприятием проблем неравенства, в частности дифференциации доходов и возможностей [16–18]; прозрачности функционирования институтов и реализации

² Лысухо А. С. Обзор российских исследований по теме социальное благополучие: основные исследования и результаты // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. С. 7–17. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.1>

³ Delhey J., Dragolov G. Why inequality makes Europeans less happy: The role of distrust, status anxiety, and perceived conflict // European sociological review. 2014. Vol. 30, no. 2. Pp. 151–165. <https://doi.org/10.1093/esr/jet033>

⁴ Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3 (311). С. 45–49.

принципа равенства перед законом⁵; соответствия/несоответствия нормативных представлений о должном устройстве общества наблюдаемым реалиям [19]; наличием эмоциональной поддержки в межпоколенческих взаимодействиях [20] и др.

Распределительная (дистрибутивная) справедливость гораздо чаще находится в фокусе внимания ученых. В современных работах рассматриваются три ключевых принципа распределения: эгалитаристский (достижение максимально возможного равенства), меритократический (справедливость по заслугам, индивидуальным достижениям), потребностный (удовлетворение базовых потребностей). В центре дистрибутивной концепции – два вида неравенства: достижительное (неравенство усилий) и аскриптивное (неравенство возможностей) [17; 21; 22]. Их соотношение в общественных представлениях определяет оценку социальной справедливости/несправедливости.

В основе неравенства лежит механизм сравнения. Так, в регионах с экстремально высоким индексом Джини ($> 0,5$) уровень счастья снижается даже при высоком валовом внутреннем продукте, хотя при средних значениях индекса его отрицательное влияние на уровень счастья не обнаруживается [23]. В то же время индивиды могут адаптировать ожидания, принимая неравенство как временное явление (концепция туннельного эффекта)⁶. В этом случае оно интерпретируется как сигнал будущих возможностей и у людей крепнет уверенность в наличии перспективы повысить свой статус. Поэтому меритократические общества более толерантны к неравенству.

Важно подчеркнуть, что кросс-культурные исследования выявляют вариации в предпочтениях как типов распределительной справедливости, так и факторов социального неравенства. Например, в Китае ключевым фактором неравенства возможностей выступает система регистрации (*hukou*) [17], а в России – доступ к образованию и первичному рынку труда [18].

Представления о справедливости неодинаковы в разных социальных группах, главным образом они зависят от возраста и уровня жизни [24]. Особенность представлений молодежи заключается в более лояльных по сравнению со взглядами старшего поколения оценках: «...наименее склонна оценивать российское общество как несправедливое именно группа наиболее молодых (14–17 лет), затем с возрастом вероятность такой оценки увеличивается» [18: 104; 25]. Максимально чувствительными аспектами социального неравенства для молодежи служат доступность жилья, получение качественного образования [16] и уровень доходов.

Современная российская молодежь считает социальную дифференциацию по заслугам справедливой, однако одновременно она ориентирована на государственное обеспечение равных стартовых возможностей [26]. Это отражает конфликт между индивидуалистическими ценностями и коллективистскими ожиданиями⁷.

⁵ Андреев В. Г. Методологические подходы и проблемы в изучении общественных взглядов на справедливость // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. ред. В. А. Мансуров. Тюмень : Российское общество социологов, 2020. С. 392–396.

⁶ Hirschman A. O., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: With a mathematical appendix // Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87, no. 4. Pp. 544–566. Available at: <https://academic.oup.com/qje/issue/87/4> (accessed 25.12.2024).

⁷ Мареева С. В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16–26.

Таким образом, представления о социальной справедливости и социальное самочувствие индивидов достаточно изучены по отдельности и демонстрируют общность детерминирующих факторов. Во взаимосвязи эти категории также рассматриваются. В частности, выявлено, что социальная справедливость оказывает положительное влияние на физическое, гедонистическое и эвдемонистическое благополучие человека, его приверженность локальному сообществу⁸ [27].

В настоящем исследовании проанализирована обусловленность представлений студенческой молодежи о социальной справедливости рефлексивными компонентами социального самочувствия, а именно субъективными оценками текущего жизненного положения, характером прогностических ожиданий, устойчивостью социальных связей, доверием к социальным институтам и обществу, уровнем стресса и тревожности. Это позволяет существенно углубить содержательную интерпретацию факторов формирования представлений о справедливости.

Особую значимость такой анализ приобретает применительно к студенческой среде, для которой характерна высокая рефлексивность общественного сознания. Изучение указанных взаимосвязей открывает перспективы для понимания механизмов социальной стабильности через призму социального самочувствия различных слоев общества.

Материалы и методы. Настоящее исследование опирается на данные социологического опроса, проведенного в октябре-ноябре 2024 г. в четырех субъектах Российской Федерации. Их отбор осуществлялся по принципу контрастности социально-экономических показателей на основе рейтинга качества жизни⁹. Группу регионов с высокими показателями развития составили Московская область (74,3 балла, 3-я позиция) и Республика Татарстан (70,2 балла, 4-я позиция); с низкими – Республика Мордовия (47,2 балла, 50-я позиция) и Республика Калмыкия (31,2 балла, 79-я позиция)¹⁰.

Процедура формирования выборочной совокупности была реализована по многоступенчатой схеме. Первоначально осуществлялся целенаправленный отбор регионов, обеспечивавший максимальный контраст социально-экономических условий. На втором этапе в каждом субъекте определялись по два государственных университета (крупнейший классический вуз и ведущее профильное образовательное учреждение). Затем проводилось квотирование респондентов по направлениям подготовки с учетом реальной структуры данного контингента: общественные науки (44 %), медицинские специальности (37 %), инженерно-технические дисциплины (19 %). Финальный этап рекрутинга основывался на принципах доступной выборки (*convenience sampling*): опрашивались студенты дневных отделений, присутствовавшие на аудиторных занятиях в период сбора сведений и выразившие добровольное согласие на участие в опросе. Для коррекции части потенциального смещения от доступной выборки применялось постстратификационное взвешивание по полу и курсу обучения.

⁸ Summers J. K., Smith L. M., Harwell L. C., Buck K. D. The development of a human well-being index for the United States // *Quality of Life and Quality of Working Life* / Ed. by A. A. V. Boas. Liverpool, 2017. Available at: <https://www.intechopen.com/chapters/55349> (accessed 25.12.2024).

⁹ Итоговый рейтинг регионов России – 2023 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. URL: <https://ria.ru/20231225/itogi-1917517698.html> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁰ Там же.

Выборку исследования составили 1 209 респондентов – студентов дневных отделений вузов из четырех названных регионов. Социально-демографический профиль участников характеризуется следующими показателями: гендерным соотношением (юношей 52 %, девушек 48 %), возрастным распределением (младше 21 года – 59 %, 21 год и старше – 41 %), семейным статусом (состоят в официальном браке – 9 %, не зарегистрировали союз – 11 %, холосты – 80 %), образовательным уровнем (ступень бакалавриата – 55 %, специалитета – 45 %). Важными ограничениями выборочного дизайна, влияющими на интерпретацию и обобщаемость результатов, явились узкий охват регионов, невключение контингента частных вузов и малых факультетов, а также потенциальное смещение в сторону лиц с высокой академической посещаемостью.

Концептуальные основания исследования базируются на предложенной Л. Е. Петровой трактовке социального самочувствия, где данный феномен интерпретируется как рефлексивный синдром сознания, раскрывающий «...соотношение притязаний субъекта и степени удовлетворения его потребностей»¹¹.

Операционализация социального самочувствия выполнялась с помощью индексного подхода с адаптацией методического инструментария Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук и Фонда «Общественное мнение».

Измерение социального самочувствия включало в себя оценку следующих четырех компонентов:

- 1) индекса текущего благополучия (оценка ситуации в стране, удовлетворенность жизнью в целом, самоидентификация как счастливого человека),
- 2) индекса ожиданий от будущего (оценка перспектив развития России через 3–5 лет, обобщенный жизненный прогноз, опасения относительно обеспечения базовых потребностей),
- 3) индекса социального доверия (восприятие уровня сплоченности общества, готовность к межличностному доверию, выбор институтов для защиты личных интересов),
- 4) индекса тревожности (ощущение личной безопасности в контексте специальной военной операции (СВО), доминирующие эмоциональные состояния).

Методика расчета индексов основывалась на формуле нормализации:

$$I = (\sum x_1, x_2, \dots, x_n) / \sum r$$
, где $x_1, x_2, \dots, x_n$ – ранг ответа, r – максимальное значение суммы индикаторов.

Сводный индекс социального самочувствия (СИСС) вычислялся как среднее арифметическое значение частных индексов в диапазоне от –100 до 100. Надежность сводного индекса подтверждена приемлемым уровнем внутренней согласованности (α Кронбаха¹² = 0,746).

Содержательная интерпретация осуществлялась через выделение четырех категорий: показателей ниже 0, что соответствовало «плохому» самочувствию,

¹¹ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 51.

¹² Tavakol M., Dennick R. Making sense of Cronbach's alpha // International Journal of Medical Education : IJME. 2011. Vol. 2. Pp. 53–55.

0–20 – «удовлетворительному», 21–50 – «хорошему», значения выше 50 трактовались как «отличное» самочувствие.

Операционализация представлений о социальной справедливости реализовывалась на основе учета трех аспектов: удовлетворенности уровнем социальной справедливости, нормативных установок относительно справедливого общества и оценки динамики справедливости общества за последние три года.

Аналитическая стратегия включала в себя последовательное применение дескриптивного анализа распределений ответов, корреляционного исследования (с помощью коэффициента ранговой корреляции по Спирмену), множественного линейного регрессионного моделирования и анализа опосредующих эффектов (медиации) с верификацией через тест Собея¹³. При анализе таблиц сопряженности привлекались стандартизированные остатки с поправкой на множественные сравнения. Техническая обработка данных выполнялась в IBM SPSS Statistics 28 с использованием процедур взвешивания для минимизации систематических ошибок.

Результаты исследования. *Социальное самочувствие студенчества.* Большинство студентов (53 %) в той или иной степени положительно оценивают ситуацию в стране. На вопрос «Оцените, насколько Вас устраивает Ваша жизнь в целом?» 49 % респондентов ответили «полностью устраивает». Считают себя счастливыми 80 % опрошенных («да» – 42 %, «скорее да» – 38 %). Интегрированный показатель индекс текущего благополучия свидетельствует о распространенности позитивных оценок (84 %) (табл. 1).

Таблица 1. Распределение нормализованных индексов по категориям социального самочувствия ($n = 1\,209$ респондентов, шкала от -100 до 100), %

Table 1. Distribution of Normalized Indices by Societal Well-Being Categories ($n = 1,209$ Respondents, Scale: -100 to 100), %

Индекс / Index	Негативные оценки (< 0) / Negative assessments (< 0)	Позитивные оценки (> 0) / Positive assessments (> 0)
Текущее благополучие / Current well-being	16	84
Ожидания от будущего / Future expectations	34	66
Социальное доверие / Social trust	31	44
Тревожность (инвертированный) / Anxiety (Inverted)	19	72

Примечания / Notes. 1. Негативные и позитивные оценки рассчитаны как доля респондентов с индексами < 0 и > 0 соответственно / Negative and positive assessments represent the proportion of respondents with indices < 0 and > 0 , respectively.

2. Нейтральные ответы (индекс = 0) исключены для анализа полярных позиций / Neutral responses (index = 0) were excluded to analyze polarized positions.

3. Сводный индекс основан на агрегации всех ответов респондентов по всем вопросам / The composite index is based on aggregation of all respondents' answers across all questions.

4. Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами на основе материалов исследования / Here in after in the article, tables are compiled by the authors based on research materials.

¹³ Sobel M. E. Asymptotic confidence intervals for indirect effects in structural equation models // Sociological Methodology. 1982. Vol. 13. Pp. 290–312 ; Preacher K. J., Hayes A. F. SPSS and SAS procedures for estimating indirect effects in simple mediation models // Behavior Research Methods Instruments and Computers. 2004. Vol. 36, no. 4. Pp. 717–731.

Мнение, что через 3-4 года ситуация в России улучшится, доминирует (57 %). При этом каждый третий, т. е. 29 % опрошенных, затруднились с ответом, 14 % – считают, что ситуация ухудшится. Сохраняют оптимизм, ожидая, что в скором времени жизнь изменится к лучшему, 45 % студентов, 35 % – уверены, что таких изменений не предвидится, 20 % – затруднились ответить. Опасаются, что в будущем не смогут обеспечить себя самым необходимым, 47 % участников, ответили на соответствующий вопрос отрицательно – 38 %, затруднились с ответом – 15 %.

Интегрированный показатель индекса ожиданий от будущего характеризуется преобладанием оптимистических ответов (66 % позитивных оценок), однако выглядит умеренным из-за тревоги о перспективах обеспечения базовых потребностей.

Индекс социального доверия демонстрирует 44 % позитивных ответов, что свидетельствует о наличии социальной разобщенности, недостаточном уровне доверия, как межличностного, так и социальным институтам. Доля лиц, уверенных, что стране больше согласия, сплоченности, составила 41 %; что больше несогласия, разобщенности – 29 %; затруднившихся с ответом – 30 %. Только 18 % опрошенных думают, что большинству людей можно доверять; 67 % – придерживаются мнения, что в отношениях следует быть осторожными; 15 % – затруднились с ответом. Более высокий уровень доверия отмечен к государственным институтам: 47 % участников опроса считают, что их интересы достаточно защищены; для подобной защиты обратятся к властям, в суд, полицию 27 % респондентов, к друзьям, знакомым, родственникам – 30 %, к криминальным структурам – 3 %.

Индекс тревожности (инвертированный) равен 72 %. Это указывает на то, что большинство респондентов чувствуют себя защищенно, однако 19 % негативных оценок свидетельствуют о сохраняющихся рисках. Подавляющее большинство студентов описывают свое эмоциональное состояние в позитивных категориях. Среди них наиболее часто упоминались интерес к жизни (46 %), оптимизм (46 %), доброжелательность (37 %) и спокойствие (35 %). Значительно реже назывались негативные эмоциональные состояния, в частности злость (11 %), безразличие (17 %) и уныние (19 %). На вопрос «Вы ощущаете опасность лично для себя в связи с СВО?» многие (45 %) ответили положительно («ощущаю» – 18 %, «скорее ощущаю» – 27 %), не чувствуют опасности 36 % участников опроса («скорее не ощущаю» – 21 %, «не ощущаю» – 15 %), затруднились с ответом – 19 %.

Группировка по сводному индексу социального самочувствия. Путем распределения опрошенных по значению СИСС выделены четыре группы, которые различаются по степени позитивности социального самочувствия: 18 % респондентов демонстрируют «отличное» самочувствие, 36 % – «хорошее», 28 % – «удовлетворительное», 18 % – «плохое» самочувствие. Таким образом, текущее социальное самочувствие студенческой молодежи характеризуется стабильностью.

Представления о социальной справедливости. Большинство опрошенных удовлетворены уровнем социального равенства и справедливости: 31 % студентов поставили оценку «5», 28 % – «4», 19 % – «3», 6 % – «2», 7 % – оценку «1», 9 % – затруднились с ответом; средневзвешенная оценка равна 3,77 балла. При этом справедливое государство характеризуется такими параметрами, как равенство всех перед законом (31 %), возможность развивать свои способности (25 %) и положение каждого в соответствии с результатами его труда (17 %). Несмотря на различия

в методах сбора сведений и формулировках вопросов, результаты опроса частично согласуются с данными¹⁴, полученными ВЦИОМ за 2024 г. (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «В чем состоит социальная справедливость?», %
Table 2. Distribution of Responses to the Question “What is Meant by Social Justice?”, %

Варианты ответа / Responses Option	Ответы студенческой молодежи от 18 до 25 лет, 2024 г. / Responses from students aged 18–25, 2024	Ответы молодежи от 18 до 24 лет (ВЦИОМ), 2024 г. / Responses from students aged 18–24 (VTsIOM), 2024
Равенство всех перед законом / Equality of all before the law	31	36
Каждый может развивать свои способности / Everyone can develop their abilities	25	26
Положение каждого определяется результатами его труда / Individual status determined by merit and effort	17	19
Уровень жизни всех должен быть примерно одинаковым / Comparable living standards for all	10	9
В гарантиях для социально незащищенных / Guarantees for socially vulnerable groups	10	2
Никакой социальной справедливости не было и не будет / Social justice has never existed and never will	4	6
Другое / Other	—	2
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	3	—
Итого / Total	100	100

Примечания / Notes. 1. Цветовое выделение указывает на статистически значимые различия ($p < 0.05$; z -тест для пропорций с поправкой Бонферрони, скорректированный $\alpha = 0.007$) / Color-coding indicates statistically significant differences ($p < 0.05$; z -test for proportions with Bonferroni correction, adjusted $\alpha = 0.007$) in the original table.

2. ВЦИОМ использовал формат одного ответа (% ответивших); данное исследование допускало множественные ответы (% ответов, пересчитанные на 100 %) / VTsIOM used a single-response format (% of respondents); this study allowed multiple responses (% of responses recalculated to 100 %).

Анализ представлений о социальной справедливости выявил как общие тенденции, так и специфические особенности студенческой аудитории. Сравнение результатов данного исследования и всероссийского опроса ВЦИОМ показывает принципиальное сходство базовых ценностных ориентаций. Так, обе группы (31 % студентов против 36 % молодежи в опросе ВЦИОМ) демонстрируют сопоставимую паритизацию верховенства закона и меритократических принципов, включая развитие способностей (25 и 26 % соответственно) и вознаграждение

¹⁴ Социальная справедливость: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 12.11.2024).

за труд (17 и 19 %). Наиболее заметной особенностью студенчества стало пятикратное превышение значимости социальных гарантий (10 %) по сравнению с аналогичным параметром для общероссийской молодежной выборки (2 %). Обнаруженные отличия имеют содержательное объяснение, связанное с социальным положением: повышенное внимание к вопросам социальной защиты закономерно для группы, находящейся в процессе профессионального становления и испытывающей чувство статусной уязвимости.

Для выявления взаимосвязи компонентов социального самочувствия и удовлетворенности социальной справедливостью были проведены корреляционный, регрессионный и анализ опосредующих эффектов (медиации)¹⁵ (табл. 3–5).

Корреляционный анализ (см. табл. 3) подтвердил, что все компоненты социального самочувствия значимо связаны с удовлетворенностью социальной справедливостью ($p < 0,001$). Наибольшая сила связи характерна для индекса текущего благополучия ($\rho = 0,63$), что подчеркивает его роль как ключевого предиктора. Умеренные корреляции индексов ожиданий от будущего ($\rho = 0,48$) и тревожности (на инвертированной шкале; $\rho = 0,30$), а также слабая связь с индексом социального доверия ($\rho = 0,18$) обозначили их потенциальную роль как медиаторов.

Таблица 3. Корреляция компонентов социального самочувствия с удовлетворенностью социальной справедливостью

Table 3. Correlations Between Societal Well-Being Components and Satisfaction with Social Justice

Компонент социального самочувствия / Societal well-being component	Коэффициент Спирмена (ρ) / Spearman's ρ	p -уровень / p -value	Интерпретация силы связи / Effect size interpretation
Индекс текущего благополучия / Current well-being	0,63***	$< 0,001$	Сильная положительная / Strong positive
Индекс социального доверия / Social trust index	0,18***	$< 0,001$	Слабая положительная / Weak positive
Индекс ожиданий от будущего / Future expectations index	0,48***	$< 0,001$	Умеренная положительная / Moderate positive
Индекс тревожности (инвертированный) / Anxiety index (Inverted scale)	0,30***	$< 0,001$	Умеренная положительная / Moderate positive

Примечания / Notes. 1. Уровни значимости: *** $p < 0,001$ / Levels of significance *** $p < 0.001$.

2. Интерпретация силы связи: $|\rho| < 0,3$ – слабая; $0,3 \leq |\rho| < 0,5$ – умеренная; $|\rho| \geq 0,5$ – сильная / Effect size thresholds: $|\rho| < 0.3$ – weak; $0.3 \leq |\rho| < 0.5$ – moderate; $|\rho| \geq 0.5$ – strong.

3. Индекс тревожности инвертирован: высокие значения соответствуют низкой тревожности / The Anxiety Index is inverted: higher values indicate lower anxiety.

Регрессионный анализ (см. табл. 4) выявил значимую связь между компонентами социального самочувствия и удовлетворенностью социальной справедливостью ($F(4,1204) = 84,26$; $p < 0,001$). Модель линейной регрессии объясняет 22 % различий в ответах респондентов (скорректированный $R^2 = 0,216$)¹⁶. Наибольший вклад вносит

¹⁵ Термины «анализ опосредующих эффектов», «анализ медиации» и «медиаторный анализ» используются как синонимы, притом первые два более предпочтительны в научной традиции.

¹⁶ Модель объясняет статистически значимую, но умеренную часть различий (22 %) в ответах респондентов, что указывает на наличие других важных факторов, влияющих на удовлетворенность социальной справедливостью, помимо включенных в модель компонентов социального самочувствия.

индекс социального доверия ($\beta = 0,22$). Интересно, что, хотя простая корреляция этого показателя с удовлетворенностью была слабой (см. табл. 3), в регрессионной модели его влияние усилилось. Это характерно для супрессорных переменных – они фильтруют влияние других факторов, позволяя выявить истинную силу связи.

Т а б л и ц а 4. Результаты линейной регрессии¹⁷ (зависимая переменная – удовлетворенность социальной справедливостью)

Table 4. Linear Regression Results (Dependent Variable – Satisfaction with Social Justice)

Переменная / Variable	Коэффициент (B) / Coefficient (B)	SE	Стандартизованный β / Standardized β	95 % ДИ / 95 % CI	p-уровень / p-value	VIF
Индекс текущего благополучия / Current well-being index	0,168***	0,032	0,177	[0,105; 0,230]	< 0,001	1,740
Индекс социального доверия / Social trust index	0,156***	0,021	0,220	[0,115; 0,197]	< 0,001	1,345
Индекс ожиданий от будущего / Future expectations index	0,080**	0,027	0,093	[0,027; 0,132]	0,003	1,524
Индекс тревожности (инвертированный) / Anxiety index (Inverted scale)	0,059***	0,017	0,110	[0,026; 0,092]	< 0,001	1,536
Константа / Constant	3,327***	0,044		[3,241; 3,412]	< 0,001	

Примечания / Notes. 1. Уровень значимости: ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$ / Level of significance: ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

2. SE – стандартная ошибка; ДИ – доверительный интервал; VIF – коэффициент инфляции дисперсии / SE – Standard Error; CI – Confidence Interval; VIF – Variance Inflation Factor.

3. Мультиколлинеарность отсутствует ($VIF < 2$) / No multicollinearity issues ($VIF < 2$).

Анализ медиации (см. табл. 5) выявил три значимых механизма опосредованного влияния текущего благополучия на удовлетворенность социальной справедливостью: социальное доверие (29,2 %), ожидания от будущего (17,1 %), тревожность (7,2 %) (расчет доли косвенного эффекта от общего). Сохранение статистически значимого прямого влияния текущего благополучия ($\beta = 0,254 - 0,278$; $p < 0,001$) свидетельствует о наличии дополнительных неучтенных факторов влияния. Наибольший вклад доверия как основного медиатора подтверждается его значимостью в регрессионной модели (см. табл. 4).

Таким образом, представления о социальной справедливости формируются как комплексное влияние текущего благополучия, которое действует прямо или через три опосредующих механизма: доверие (институциональное и межличностное), ожидания от будущего и уровень тревожности. При этом ключевую роль играет социальное доверие (объединяющее доверие к социальным институтам

¹⁷ Линейная регрессия была применена для оценки относительной силы предикторов и проверки гипотез об опосредовании, что обеспечило прозрачную интерпретацию коэффициентов. Несмотря на порядковый характер зависимой переменной (5-балльная шкала), метод использован как устойчивая аппроксимация, допустимая при числе категорий > 4 и подтвержденная анализом остатков. Это позволило сохранить интерпретируемость результатов медиации в сравнении с порядковой логистической регрессией.

и межличностное), выступающее основным медиатором. Оно не только передает влияние общего благополучия, но и выполняет компенсаторную функцию, смягчая негативные эффекты тревожности.

Таблица 5. Результаты анализа опосредующих эффектов (медиации) взаимосвязи компонентов социального самочувствия и удовлетворенности социальной справедливостью

Table 5. Mediation Analysis Results for the Relationship Between Components of Societal Well-Being Perceptions and Perceived Social Justice

Медиатор / Mediator	Влияние X→M (β) / Effect (β) X→M	Влияние M→Y (β) / Effect (β) M→Y	Косвенный эффект (a × b) / Indirect effect (a × b)	Общий эффект (c) / Total effect (c)	Доля эффекта, % / Proportion mediated, %	Тест Собея (Z) ¹⁸ / Sobel test (Z)	p-уровень / p-value
Социальное доверие (M ₁) / Social trust (M ₁)	0,629	0,180	0,113***	0,387	29,2	7,77	< 0,001
Ожидания от будущего (M ₂) / Future expectations (M ₂)	0,476	0,138	0,066***	0,387	17,1	5,21	< 0,001
Тревожность (M ₃ , инвертированная) / Anxiety (M ₃ , inverted scale)	0,296	0,095	0,028***	0,387	7,2	4,85	< 0,001

Примечания / Notes. X – индекс текущего благополучия, Y – удовлетворенность социальной справедливостью / X – Subjective well-being index, Y – Satisfaction with social justice.

2. M₃: тревожность измерялась по инвертированной шкале / M₃: anxiety was measured using an inverted scale.

3. Все коэффициенты стандартизованы / All coefficients are standardized.

4. Уровень значимости: ***p < 0,001 / Level of significance: ***p < 0.001.

Региональная дифференциация представлений о справедливости общества. Установленные на микроуровне закономерности формирования представлений о социальной справедливости позволяют перейти к анализу их региональной дифференциации с использованием СИСС.

Следует отметить, что прямое количественное сравнение регионов затруднено в силу содержательных различий в понимании справедливости. Вместо традиционных многомерных методов в данном случае более продуктивным оказывается качественный анализ распределения респондентов по выделенным на основе СИСС группам социального самочувствия («отличное», «хорошее», «удовлетворительное» и «плохое») (табл. 6) в сочетании с изучением специфики доминирующих на каждой территории концепций справедливости.

Анализ данных таблицы 6 выявил существенные региональные контрасты в субъективном социальном самочувствии студенчества. Наиболее благополучная картина наблюдается в Республике Татарстан, где доля респондентов, оценивших свое социальное самочувствие как «хорошее» (42 %) и «отличное» (21 %), существенно превышает средний показатель по выборке (28 и 18 % соответственно) и является самой высокой по рассматриваемым регионам. Студенты Московской области также демонстрируют относительно позитивные оценки, хотя и с меньшим

¹⁸ Sobel M. E. Asymptotic confidence intervals for indirect effects in structural equation models...

перевесом в группе «отличного» самочувствия (26 %). Напротив, в Республике Калмыкия зафиксирована не вполне благоприятная ситуация: доля негативных оценок достигает 32 % («плохое» самочувствие). Республика Мордовия занимает промежуточное положение с максимальной долей лиц, характеризующихся «удовлетворительным» самочувствием (35 %) и сравнительно низкой – «отличным» (12 %).

Таблица 6. Распределение оценки социального самочувствия населения в зависимости от региона, % от числа ответивших

Table 6. Distribution of the population's Societal Well-Being Assessment by Region, % of Respondents

Социальное самочувствие / Societal Well-Being	Московская область / Moscow oblast	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	Вся выборка / Total sample (n = 1 209)
Плохое / Poor	14	14	18	32	18
Удовлетворительное / Satisfactory	27	23	35	24	36
Хорошее / Good	33	42	35	34	28
Отличное / Excellent	26	21	12	10	18
Итого / Total	100	100	100	100	100

Примечание / Note. Цветовая маркировка ячеек основана на стандартизированных остатках критерия χ^2 ($|\text{residual}| > 2$) и отражает статистически значимые различия между регионами ($p < 0,05$) / Color-coding based on standardized Pearson residuals ($|\text{residual}| > 2$) indicates statistically significant inter-regional differences ($p < 0.05$).

По представлениям относительно критериев справедливого общества между студентами из рассматриваемых регионов также наблюдается дифференциация, хотя для них всех характерно превалирование ориентации на процедурную справедливость. Это подтверждается практически одинаковой высокой распространенностью ответа «Равенство всех перед законом» как критерия справедливого общества. В качестве региональных особенностей укажем, например, что в Московской области студенты склонны определять положение человека в обществе результатами его труда (46 против 40 % по всей выборке) (табл. 7). Условная меритократия проявляется в виде принятия неравенства результатов при обеспечении условий для равных стартовых возможностей (каждый может развивать свои способности).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «В чем состоит социальная справедливость?» в зависимости от региона, % от числа ответивших

Table 7. Distribution of Responses to the Question “What is Meant by Social Justice?” by Region, % of Respondents

Варианты ответа / Responses Option	Московская область / Moscow oblast	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	Вся выборка / Total sample (n = 1 209)
1	2	3	4	5	6
Равенство всех перед законом / Equality of all before the law	74	79	76	65	75
Каждый может развивать свои способности / Everyone can develop their abilities	71	67	60	56	61

Окончание табл. 7 / End of table 7

1	2	3	4	5	6
Положение каждого определяется результатами его труда / Individual status determined by merit and effort	46	41	40	38	40
Уровень жизни всех должен быть примерно одинаковым / Comparable living standards for all	27	28	23	28	25
В гарантиях для социально незащищенных / Guarantees for socially vulnerable groups	15	16	31	20	23
Никакой социальной справедливости не было и не будет / Social justice has never existed and never will	7	9	10	8	9
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	6	6	8	8	9
Итого / Total	246	246	248	223	242

Примечания / Notes. 1. Сумма превышает 100 % из-за возможности выбора нескольких вариантов / Totals exceed 100 % due to multiple responses.

2. Цветовая маркировка основана на стандартизированных остатках критерия χ^2 ($|\text{residual}| > 2$) и отражает статистически значимые различия между регионами ($p < 0,05$) / Color-coding based on standardized Pearson residuals ($|\text{residual}| > 2$) indicates statistically significant inter-regional differences ($p < 0.05$).

В то же время студенты из Республики Мордовия чаще ассоциируют социальную справедливость с экономическим равенством и выбирают ответ «Уровень жизни всех должен быть примерно одинаковым» (31 против 23 % по всей выборке). Таким образом, запрос на корректирующее равенство актуализируется в условиях низкого уровня качества жизни, что особенно характерно для Мордовии (31 против 15 % в Московской области) (см. табл. 6).

Студенты из Республики Калмыкия занимают промежуточное положение между приверженцами меритократических взглядов (респонденты из Московской области и Татарстана) и сторонниками эгалитаризма (опрошенные из Мордовии). Более низкая поддержка варианта «Равенство перед законом» (65 против 75 % по всей выборке, 79 % в Татарстане) здесь сочетается с размытостью запроса на определенную модель справедливости (см. табл. 7).

Восприятие динамики социальной справедливости в российском обществе для обучающихся в вузах названных регионов также неоднородно. Мнение, что общество за последние три года стало более социально справедливым, распространено на территориях, более благополучных по качеству жизни населения (табл. 8).

Выявленная региональная дифференциация прямо коррелирует с объективным уровнем социально-экономического благополучия территорий. Студенты из более развитых регионов чаще видят позитивные сдвиги в социальной справедливости, тогда как в понимании молодежи из менее благополучных местностей преобладают негативные или нейтральные оценки ее динамики. Таким образом,

территориальный фактор и реальные условия жизни оказывают влияние на восприятие справедливости общества.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, за последние три года наше общество стало более или менее справедливым?» в зависимости от региона, %

Table 8. Distribution of Responses to the Question “Do You Think Our Society Has Become More or Less Socially Just Over the Past Three Years?” by Region, %

Варианты ответа / Responses option	Московская область / Moscow oblast	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	Вся выборка / Total sample (n = 1 209)
Скорее более социально спра- ведливым / More socially just	33	31	24	19	27
Скорее менее со- циально справед- ливым / Less socially just	30	20	32	29	29
Скорее уровень социальной справедливости не изменился / No change	18	26	20	31	21
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	19	23	24	21	23
Итого / Total	100	100	100	100	100

Примечание / Note. Цветовая маркировка ячеек основана на стандартизированных остатках критерия χ^2 ($|\text{residual}| > 2$) и отражает статистически значимые различия между регионами ($p < 0,05$) / Color-coding based on standardized Pearson residuals ($|\text{residual}| > 2$) indicates statistically significant inter-regional differences ($p < 0.05$).

Проведенный анализ наглядно демонстрирует взаимосвязь объективных социально-экономических условий в регионах проживания и субъективного социального самочувствия студентов, а также их представлений о социальной справедливости. Так, регионы с более высоким уровнем объективного благополучия (Московская область, Татарстан) характеризуются более позитивным субъективным социальным самочувствием студентов в них (см. табл. 6), что сопровождается приверженностью к меритократическим принципам справедливости (см. табл. 7) и более оптимистичными оценками динамики справедливости в обществе (см. табл. 8). В регионах с менее благоприятными условиями жизни (Калмыкии, Мордовии) фиксируется обратная ситуация, когда сниженный уровень социального самочувствия стимулирует эгалитаристские запросы (Мордовия) или размытость представлений о справедливости (Калмыкия), а также пессимистичные или нейтральные взгляды на ее динамику.

Обсуждение и заключение. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в многокомпонентной структуре социального самочувствия студенческой молодежи большинство позитивных оценок (84 %) принадлежат текущему благополучию, а показатели доверия демонстрируют критически низкие значения (44 % позитивных ответов). Группировка по сводному индексу зафиксировала выражен-

ную поляризацию: 54 % респондентов относятся к категории с положительным самочувствием («хорошее» и «отличное»), в то время как 18 % характеризуются устойчиво негативными показателями.

Результаты исследования показывают, что чем позитивнее у молодых людей социальное самочувствие (их общее ощущение жизни в обществе), тем выше удовлетворенность социальной справедливостью. Это подтвердил статистический анализ: корреляционный (ρ Спирмена), регрессионный и анализ опосредующих эффектов (медиации).

Корреляционный анализ выявил доминирующую роль индекса текущего благополучия. Это самый сильный предиктор справедливости: если человек в целом доволен жизнью сейчас, он скорее будет считать общество справедливым ($\rho = 0,63$; $p < 0,001$).

Если человек оптимистично смотрит в будущее, он тоже склонен воспринимать общество более справедливым ($\rho = 0,48$; $p < 0,001$). Чем меньше тревожности, тем больше удовлетворенность справедливостью ($\rho = -0,30$; $p < 0,001$). Связь с индексом доверия самая слабая ($\rho = 0,18$; $p < 0,01$).

По итогам регрессионного анализа, учитывающего влияние всех факторов одновременно, четыре компонента вместе объясняют 22 % дисперсии удовлетворенности социальной справедливостью. Хотя корреляция доверия со справедливостью показала самую слабую связь, тем не менее оно оказывает наиболее сильное прямое влияние ($\beta = 0,220$). Это указывает на возможный эффект подавления: доверие маскируется влиянием других переменных. Таким образом, оно активизирует скрытый потенциал иных компонентов самочувствия, выступая социальным катализатором.

Для раскрытия механизмов влияния был применен анализ медиации. Результаты показали, что 29,2 % эффекта влияния текущего благополучия на справедливость опосредуется доверием, тогда как ожидания от будущего и сниженная тревожность опосредуют 17,1 и 7,2 % этого влияния соответственно. Примечательно, что сохранение прямого влияния текущего благополучия свидетельствует о наличии неустановленных опосредующих факторов. Следовательно, основными механизмами, через которые текущее благополучие влияет на восприятие справедливости, являются: доверие (ключевой посредник, 29,2 %), вера в хорошее будущее (17,1 %) и снижение тревожности (7,2 %). Другими словами, молодые люди ощущают социальную справедливость сильнее, когда они счастливы здесь и сейчас, верят в хорошее будущее, спокойны и доверяют другим людям и общественным институтам.

В ходе исследования также была выявлена региональная дифференциация нормативных представлений о справедливости, коррелирующая с объективным качеством жизни на местах. В регионах с высоким качеством жизни (Московская область, Татарстан) доля позитивных оценок динамики справедливости на 14–17 п.п. превышает показатели регионов с низким уровнем развития (Калмыкия, Мордовия). Параллельно обнаружены различия в нормативных представлениях о справедливости: запрос на экономическое равенство выражен сильнее в Мордовии (31 против 15 % в Московской области), тогда как меритократические установки доминируют в Московской области (46 %).

Исследование убедительно показывает, что межрегиональная социально-экономическая дифференциация в России является фактором, формирующим

различия в базовых социальных представлениях молодежи о справедливости через механизмы социального самочувствия.

При общем высоком уровне текущего благополучия и осторожном оптимизме в среде студенческой молодежи существуют проблемы в сфере социального доверия, тревожность по поводу обеспечения базовых потребностей. Это создает потенциальные риски для социальной стабильности, так как сочетание высоких ожиданий с недостаточным доверием к социальным институтам может привести к росту протестных настроений. Особого внимания требуют 18 % респондентов с плохим социальным самочувствием, которые могут стать источником социальной напряженности.

Полученные данные подчеркивают необходимость усиления мер по укреплению социального доверия и адресной поддержки уязвимых групп студенчества. Материалы статьи могут представлять интерес для специалистов, занимающихся вопросами социального положения молодежи, и практиков, участвующих в разработке молодежной политики. Результаты исследования факторов, влияющих на социальное самочувствие студенчества, могут быть востребованы при подготовке и внедрении мер по повышению качества жизни молодежи.

Настоящее исследование представляет собой срез, фиксирующий состояние изучаемых процессов в конкретный момент времени. Это ограничивает возможность установления причинно-следственных связей между используемыми переменными. Например, остается не выясненным, является ли справедливость фактором, способствующим улучшению социального самочувствия, или же, напротив, более высокий уровень социального самочувствия способствует восприятию окружающей действительности как более справедливой. Перспективы дальнейшего рассмотрения проблемы видятся в проведении лонгитюдных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Беляева Л.А. «Взрослая» молодежь в современном социальном пространстве России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022;22(4):812–827. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827>
Belyaeva L.A. “Adult” youth in the contemporary social space of Russia. *RUDN Journal of Sociology*. 2022;22(4):812–827. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827>
2. Попов А.В. Влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023;16(6):236–251. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.14>
Popov A.V. The impact of precarization on the standard of living and the employment situation of Russian youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(6):236–251. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.14>
3. Шаповалова И.С., Валиева И.Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки. *Интеграция образования*. 2022;26(2):345–362. URL: <https://clck.ru/3MJJAu> (дата обращения: 26.05.2025).
Shapovalova I.S., Valieva I.N. Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Prerequisites. *Integration of Education*. 2022;26(2):345–362. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3MJJAu> (accessed 10.03.2025).
4. Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций. *Социологические исследования*. 2019;(11):3–17. <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>

- Gorshkov M.K. Social Outcomes of the Post-Soviet Transformations. *Sociological Studies*. 2019;(11):3–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>
5. Кармадонов О.А. Удовольствия и тяготы в современной жизни: субъективное измерение социального самочувствия. *Гуманитарный вектор*. 2022;17(2):47–57. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-2-47-57>
Karmadonov O.A. Pleasures and Hardships in Modern Life: A Subjective Dimension of Social Well-Being. *Humanitarian Vector*. 2022;17(2):47–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-2-47-57>
 6. Емельянова Т.П., Семенова Т.В. Социальное самочувствие молодежи: психолого-политические аспекты. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2021;6(4):87–102. <https://elibrary.ru/item.asp?id=47562332>
Emelyanova T.P., Semenova T.V. Social Feeling of youth: Psychological and Political Aspects. *Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*. 2021;6(4):87–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=47562332>
 7. Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Ермакова Э.Р. Социальное самочувствие как отображение социально-экономического неравенства в стране. *Теоретическая и прикладная экономика*. 2021;(3):1–13. URL: <https://clck.ru/3MJdQq> (дата обращения: 26.05.2025).
Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Ermakova E.R. Social Well-Being as a Reflection of Socio-Economic Inequality in the Country. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*. 2021;(3):1–13. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3MJdQq> (accessed 10.03.2025).
 8. Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024;(77):241–250. <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/20>
Smirnov V.A. Social well-being of Russian youth in the conditions of the special military operation. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2024;(77):241–250. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/20>
 9. Смирнов В.А. Факторы социального самочувствия жителей российской провинции. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2020;26(3):24–42. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42>
Smirnov V.A. Factors of public well-being of residents of the Russian province. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2020;26(3):24–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42>
 10. Воронцов В.С., Загребин А.Е. Молодежные проблемы в социологическом измерении (на материалах республик Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Чувашия). *Вестник антропологии*. 2023;(4):59–73. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/59-73>
Vorontsov V.S., Zagrebin A.E. Youth Problems in the Sociological Dimension (The Case of the Republics of Bashkortostan, Mari El, Udmurtia, Mordovia, and Chuvashia). *Herald of Anthropology*. 2023;(4):59–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/59-73>
 11. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020;20(4):905–918. URL: <https://clck.ru/3MJEGA> (дата обращения: 26.05.2025).
Kosharnaya G.B., Korzh N.V. Social well-being of the student youth (regional aspect). *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(4):905–918. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3MJEGA> (accessed 10.03.2025).
 12. Веселова Е.К., Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В., Анисимова Т.В. Социальная поддержка как ресурс обеспечения субъективного благополучия студенческой молодежи. *Социальная психология и общество*. 2021;12(1):44–58. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120104>
Veselova E.K., Korjova E.Yu., Rudykhina O.V., Anisimova T.V. Social Support as a Resource for Ensuring the Subjective Well-being of Students. *Social Psychology and Society*. 2021;12(1):44–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/sps.2021120104>
 13. Андреевкова А.В. Представления о справедливости и экономическом неравенстве в сравнительном межкультурном контексте. *Общественные науки и современность*. 2017;(5):18–30. URL: <https://ons-journal.ru/S086904990011483-3-1> (дата обращения: 26.05.2025).

- Andreenkova A.V. Perception of Fairness and Economic Inequality quality in Comparative Cross-national Context. *Social Sciences and Comterporary World*. 2017;(5):18–30. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ons-journal.ru/S086904990011483-3-1> (accessed 26.05.2025).
14. Чебиняева И.Л. Влияние новых глобальных и национальных вызовов на представления молодых россиян о социальной справедливости. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022;(6):96–102. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.96-102>
Chebinyayeva I.L. Impact of new global and national challenges on young russians' perceptions of social justice. *The Kazan socially-humanitarian bulletin*. 2022;(6):96–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.96-102>
15. Banks S., Formosa P., Griep Y., Richards D. AI decision making with dignity? Contrasting workers' justice perceptions of human and AI decision making in a human resource management context. *Information Systems Frontiers*. 2022;24(3):857–875. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10223-8>
16. Горшков М.К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян. *Гуманитарий Юга России*. 2022;11(6):32–47. URL: <https://clck.ru/3MHSqb> (дата обращения: 26.05.2025).
Gorshkov M.K. Social Justice in Mass Perception and Value Orientations of Russians. *Humanities of the South of Russia*. 2022;11(6):32–47. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3MHSqb> (accessed 10.03.2025).
17. He Q., Tong H., Liu J.B. How does inequality affect the residents' subjective well-being: Inequality of opportunity and inequality of effort. *Frontiers in Psychology*. 2022;(13):843–854. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.843854>
18. Чебиняева И.Л. Социальная справедливость в оценках молодежи: аксиологические и поведенческие аспекты. *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. 2022;(3):3–5. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-3-5>
Chebinyayeva I.L. Social justice in youth assessments: axiological and behavioral aspects. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;(3):60–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-3-5>
19. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022;1(167):39–60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>
Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;1(167):39–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>
20. Liu Y., Li L., Miao G. et al. Relationship between children's intergenerational emotional support and subjective well-being among middle-aged and elderly people in China: The mediation role of the sense of social fairness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;19(1):389. <https://doi.org/10.3390/ijerph19010389>
21. Bosmans K., Öztürk Z.E. Measurement of inequality of opportunity: a normative approach. *The Journal of Economic Inequality*. 2021;19(2):213–237. <https://doi.org/10.1007/s10888-020-09468-1>
22. Ugur Z.B. How does inequality hamper subjective well-being? The role of fairness. *Social indicators research*. 2021;158(2):377–407. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02711-w>
23. Tavor T., Gonen L.D., Weber M., Spiegel U. The effects of income levels and income inequalities on happiness. *Journal of Happiness Studies*. 2018;19(7):2115–2137. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9911-9>
24. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости. *Демографическое обозрение*. 2022;9(4):4–21. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742>
Korchagina I.I., Prokofieva L.M. Subjective perception of social inequality – the population opinion about social justice. *Demographic Review*. 2022;9(4):4–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742>

25. Воронина Н.С. Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.). *Общественные науки и современность*. 2022;(2):95–108. <https://www.elibrary.ru/evxlva>
Voronina N.S. Social Justice in the Assessments of Russian Youth (based on 2019 RLMS data). *Social Sciences and Comterporary World*. 2022;(2):95–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/evxlva>
26. Казаков А.А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2022;(1):114–120. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120>
Kazakov A.A. Value of justice in the perception of modern youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;(1):114–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120>
27. Wang Q.C., Liu X., Jian I.Y. et al. Community resilience in city emergency: Exploring the roles of environmental perception, social justice and community attachment in subjective well-being of vulnerable residents // *Sustainable Cities and Society*. 2023;(97):104745. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2023.104745>

Об авторах:

Дадаева Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, Researcher ID: AAN-4148-2021, Scopus ID: 8591653500, SPIN-код: 5495-5343, dadaeva13@mail.ru

Касаткина Наталья Петровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>, Researcher ID: LWI-8122-2024, Scopus ID: 57219127091, SPIN-код: 6034-1381, kasatkina-nri@mail.ru

Шумкова Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, Researcher ID: AAM-1340-2020, Scopus ID: 57219130787, SPIN-код: 9796-2696, niiregion@mail.ru

Вклад авторов:

Дадаева Т. М. – разработка концепции; административное руководство исследовательским проектом; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Касаткина Н. П. – разработка методологии; проведение исследования; написание черновика рукописи.

Шумкова Н. В. – проведение исследования; формальный анализ данных; написание черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.12.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

About the authors:

Tatiana M. Dadaeva, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, Researcher ID: AAN-4148-2021, Scopus ID: 8591653500, SPIN-code: 5495-5343, dadaeva13@mail.ru

Natalya P. Kasatkina, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher at the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russian Federation), Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>, Researcher ID: LWI-8122-2024, Scopus ID: 57219127091, SPIN-code: 6034-1381, kasatkina-rri@mail.ru

Natalya V. Shumkova, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, Researcher ID: AAM-1340-2020, Scopus ID: 57219130787, SPIN-code: 9796-2696, niiregion@mail.ru

Contribution of the authors:

T. M. Dadaeva – conceptualization; equal contribution to methodology development; coordination of data collection; editing and finalization of the text.

N. P. Kasatkina – equal contribution to methodology development; tools, formal analysis; data visualization; writing the original text.

N. V. Shumkova – equal contribution to methodology development; tools; formal data analysis; writing the original text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 13.12.2024; revised 15.05.2025; accepted 30.05.2025.